



Искра Божия

Сборник рассказов
и стихотворений для чтения
в христианской семье и школе

для девочек

протоиерей Григорий Дьяченко Искра Божия. Сборник рассказов и стихотворений для чтения в христианской семье и школе для девочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38616706

*Искра Божия: Сборник рассказов и стихотворений для чтения в
христианской семье и школе для девочек:
ISBN 978-5-00127-025-6*

Аннотация

Эта книга является переизданием вышедшего в 1903 г. популярного сборника «Искра Божия», составленного известным духовным писателем, протоиереем Григорием Дьяченко. «Искра Божия» ориентирована на религиозно-нравственное воспитание девочек, девиц и жен и явилась первым в российской педагогической литературе опытом создания собственно книги для девочек. Ее цель – показать, что истинное призвание женщины составляют семья, материнство и воспитание детей. В сегодняшние времена так называемой феминизации далеко не лишним будет напоминание об этом великом предназначении. Настоящее издание станет полезным для чтения в воскресной школе и в семейном кругу.

В сборник вошли жития святых, рассказы, сказки, поговорки, пословицы и стихи.

Содержание

Предисловие[1]	7
Часть первая	35
Предание о детстве Богоматери	35
Святая Макрина	38
Незабудка	40
Великодушная дочь	43
Пословицы о семье	45
Внучка	46
Материнская любовь	48
Сиротка Груня	49
«Ведь это моя маленькая сестренка!»	51
Детям	52
Чудная травка	53
Жаление	54
Брат и сестра	56
Гуси	58
Василиса Премудрая	61
Дитя	69
Семьдесят раз семь	70
Смелая крестьянская девочка	77
Геройский подвиг четырнадцатилетней девочки	79
Пословицы об отношении к ближним	81

Настя, дочь кондуктора	82
Как девочка-татарка Дина спасла русского офицера	87
Пословицы о том, как жить	91
Черкесская песня	92
Христианочка	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

протоиерей

Григорий Дьяченко

Искра Божия: Сборник

**рассказов и стихотворений
для чтения в христианской
семье и школе для девочек**

© Издательство Сибирская Благовонница, состав,
оформление, 2018

*** * ***

Предисловие¹

Доброе воспитание крестьянских девочек для семейного быта Я считал всегда за одну из главных задач начального обучения.

Из Высочайшего рескрипта епископу Полтавскому Илариону

Никто не может научить нравственности лучше, как мать.

Иннокентий, митрополит Московский

¹ Предисловие это назначается для родителей, воспитателей и ценителей этой книги, но не для детей.



I

Предлагаемый сборник под названием «Искра Божия» есть первый опыт в нашей педагогической литературе собственно книги для девочек². А потому и суждение о нем, по нашему личному мнению, не должно быть очень строгим.

² Мы отнюдь не хотим сказать этими словами, чтобы «Искра Божия» была непригодна для мальчиков.

Нет особенного труда работать на поприще, все тропинки по которому давно проторены людьми знания и опыта, — но не то бывает там, где почти ничего еще не сделано у нас, равно как и в западноевропейской педагогической литературе, где всё приходится делать впервые — и намечать цели, и изыскивать средства к осуществлению этих целей, где один вопрос о книжке *собственно для девочек* для большинства кажется совершенно излишним, так как оно не замечает или не хочет заметить никаких различий в характере и предназначении для жизни мальчика и девочки.

Составитель этой книги смотрит на дело несколько иначе, имея в виду практическую жизнь и данные истории, психофизиологии и педагогики.

Не признавая никакой разницы в первоначальном обучении отечественному языку мальчиков и девочек, не отмечая этой разницы даже в первые два-три года школьного обучения детей обоего пола, мы твердо убеждены, что при дальнейшем ходе обучения отечественному языку, приблизительно с третьего или четвертого года, должно быть значительное различие в подборе учебного материала в русской книге для классного и семейного чтения мальчикам и девочкам.

Раз мы убеждены, что та или другая прочитанная в детстве книга не безразлично влияет на духовный склад дитяти, что те или другие идеи, картины, образы, симпатии и антипатии, дух и направление, вызываемые в душе читающего, де-

ательно участвуют в образовании духовного, умственного и нравственно-религиозного содержания личности человека, мы должны путем книги для чтения, посредством соответствующих произведений человеческого слова закладывать в душу ребенка те идеи и настроения, те вкусы и привычки, которые одобряются истинною христианскою педагогикой, соответствуют его положению в жизни и которые разовьются и принесут плод по роду своему.

Ведь далеко не одни и те же предметы интересуют мальчика и девочку — далеко не одни и те же у них влечения и стремления, не одни и те же взгляды на явления и задачи жизни, а главное — не одна и та же у них в будущем деятельность и не одно и то же предназначение. Рассказы о военных подвигах, повествования о смелых, требующих физической силы и ловкости приключениях и похождениях, о любви к занятиям и упражнениям, свойственным мужчинам, о внешних (то есть вне дома) занятиях мужей и вообще рассказы о том, что свойственно более мужчинам, нежели женщинам, менее интересуют этих последних, так как они по природе своей к занятиям, обычным для мужчин, по большей части неспособны или, во всяком случае, менее призваны, нежели мужчины. Напротив, тихая семейная жизнь, любовь к домашнему очагу и хозяйству, к семье и родным, маленьким детям, сочувствие всякому в его горе и беде, деятельное стремление утешить всякому его слезу, в качестве матери, учительницы и воспитательницы детей, самоотвер-

женной сиделки в больнице или сестры милосердия на поле сражения и тому подобное, – всё это весьма близко сердцу женщины, всё это более интересует ее, чем что-либо другое, по причине ее психофизического устройства и предназначения и того положения в жизни и семье, в которое она поставлена историческими, социально-экономическими и бытовыми условиями своей жизни.

Мы не нашли в нашей литературе более правильных и возвышенных слов об этом предназначении или призвании женщины, чем следующие слова Высокопреосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, которые мы и позволим себе привести здесь:

«Семейство, материнство, воспитание детей – вот в чем истинное призвание женщины. От этого святого призвания и первая женщина в мире, наша общая прародительница, получила наипревосходнейшее из всех имен человеческих имя. Она была названа “жизнью”, ибо она есть мать всех живущих. Итак, “жизнь”, “мать” – вот истинно верные наименования женщины. Материнство с возвышенной христианской точки зрения, конечно, не есть в женщине одно только физическое материнство. Оно по преимуществу характеризуется высокими нравственными чертами. Не та женщина есть мать, которая только рождает детей, но та, которая воспитывает их с нежной, сердечной любовью, залагает в их душу семена добра, научает познанию Бога и Его святой воли. Поэтому истинное материнство есть источник начала то-

го животворного света, той ласки и тепла, которые дают красоту и радость человеческой жизни. Оно есть источник того человеческого счастья, в котором люди справедливо видят выражение Божия благословения. Оно есть и для самой женщины источник того несравненного величия ее, того чистого, высокого почитания, которыми наше сердце привыкло окружать священное имя женщины-матери. В самом деле, для кого из нас не составляет самого дорогого душевного наследия светлое воспоминание о радостях счастливого детства, согревавшегося в материнских объятиях и оживлявшегося от теплых лучей материнской ласки?..

Эта чистая, нравственная область материнства требует, несомненно, и высокого нравственного развития женщины. Чем шире и правильнее это развитие, тем более оно дает и живительных материнских лучей света, и истинной любви, тем более оно возвышает женщину, тем более приближает ее к тому светлomu идеалу, ради которого ей дано имя “жизни”. Итак, материнство – вот средоточный пункт призвания женщины и конечная цель ее образования. Понимаемое в самом широком нравственно-христианском смысле, материнство может осуществиться женщиной, без сомнения, и тогда, когда она не бывает матерью в собственном смысле этого слова. Оно может осуществляться в плодотворной воспитательной ее деятельности вообще. Любовь – душа материнства – далеко превышает границы кровного родства. Она неизмеримо шире их. И вне этого родства нежная любовь

женщины сильна усладить горе бесприютного сиротства, облегчить муки больного страдальца, принести утешение печальному, возвысить и утвердить радость радостного. Какое поистине великое и ни с чем не сравнимое призвание женщины в ее материнстве...»³

А если эти слова действительно соответствуют истине жизни: если они на самом деле оправдываются историей и жизнью, что несомненно; если всякое отступление, добровольное или вынужденное социально-экономическими условиями, от этого великого и святого назначения женщины каждый раз сопровождается для человечества неисчислимыми гибельными последствиями в отношении умственном, религиозно-нравственном, социально-экономическом, даже политическом; если действительно разложение семьи вследствие ложного взгляда на женщину и неправильного положения ее в жизни есть главнейшая причина упадка и постепенного разложения целого государства (например, Франции), которое, в сущности, есть не иное что, как стройная совокупность отдельных семей, – то все посвятившие себя делу воспитания и обучения подрастающих поколений, этих цветков будущего человечества, должны особенно заботиться о правильном развитии и воспитании девочек – будущих матерей и самых могучих воспитательниц дальнейшего поколения. Одним из действительных средств к нормальному развитию девочек является целесообразно составленная книга

³ Воскресный день. 1900. № 17.

для чтения девочками как в семье, так и в школе.

В пользу законности и необходимости отдельной книги для чтения в женских школах говорит также и то, что в настоящее время и среди частных лиц – педагогов, и среди правительственных учреждений, ведающих народным образованием, достаточно созрела мысль о необходимости устройства не совместных с мужскими, но отдельных женских (приходских) школ. Так, «знаете, что я вам скажу, – говорил один крестьянин известной ревнительнице начального женского просвещения в Харькове Х.А. Алчевской, – если научите вы пятерых девушек – это всё равно что вы двадцать пять человек выучили: ведь дети у них будут».

«Если бы, – пишет один пастырь Тульской епархии, – двадцать лет тому назад начать заниматься обучением девочек вместо мальчиков, то теперь мы имели бы уже почти всё подрастающее поколение грамотным и в школах не пришлось бы тратить дорогое время на заучивание звуков, молитв и первых правил общежития. Но если, – продолжает тот священник, – теперь воротить этого нельзя, то, по крайней мере, нужно наверстать упущенное и всеми мерами привлечь в школы девочек...»

Отрадно то, что отмеченные нами запросы жизни в отношении женского образования находят отклик в сферах, деятельным образом влияющих на направление народного просвещения. Первое чрезвычайное собрание Училищного совета при Святейшем Синоде по вопросу об образовании

девочек в церковно-приходских школах признало полезным «*рекомендовать открытие отдельных женских школ*»⁴.

То ж собрание высказалось за необходимость составления особенной книги для классного чтения в женских церковно-приходских школах.

Но может быть, кто-либо скажет, что существующие книги для классного чтения на уроках русского языка вполне достаточны и пригодны как материал для чтения девочками. Опыт и наблюдение показывают противное. Мы позволим себе здесь сослаться на слова одного лица, близко стоящего к делу народного образования: для воспитания сердечного, а не только утилитарного отношения женщины к домашнему хозяйству должны быть в книжках для чтения рассказы, заключающие в себе мысли о соблюдении чистоты и опрятности, о трезвости и прочее; для вселения в будущих матерей понятий об их высоком назначении и обязанностях следует в форме душевных рассказов рисовать картины идеального отношения к детям матерей – как мать, например, холила детей, учила детей грамоте, молитвам и прочее; в форме рассказов об уходе матерей за детьми можно поселять убеждение в необходимости тщательного ухода за последними; в форме таких же рассказов можно представить картину семейного счастья, взаимной любви жены и мужа и нежных чувств к детям. Чтобы возвести понятие о женской добродетели до высокой степени, можно помещать, в фор-

⁴ Народное образование. 1901. Январь. С. 13.

ме простых рассказов, исторические примеры подвигов женщин, а также краткие сказания о жизни простых женщин.

Такого характера статьи, кроме статей общего содержания, должны входить в состав книжек для девочек, чтобы воспитать в них здоровые понятия о значении матери, жены и хозяйки дома.

К сожалению, несмотря на обилие книжек для первоначального обучения, нелегко указать такую, которая заключала бы в себе материал, вполне соответствующий желательной постановке обучения девочек. «В существующих книгах, — замечает один духовный воспитатель, — содержание — общего свойства, и нет того, что ярко рисовало бы картины жизнедеятельности именно девочки и женщины, картины семейного быта и домоводства. В книгах для классного чтения — Попова, Радонежского, Баранова, Одинцова и других — нет специальных статей и повествований о женах святых и исторических; в историческом отделе только и можно найти сказания о св. княгине Ольге. При таком пробеле особенно чувствительно режут глаз неутешительные в этих книгах “образцы” — жена праведного Иова и жена св. Филарета Милостивого. Между тем в книге для классного чтения, назначаемой для женской школы, как уместны и назидательны были бы повествования о св. женах — мученицах и веропроповедницах, о матерях и сестрах, о святых семействах. Этими статьями книга для чтения прямо пошла бы на помощь делу Закона

Божия»⁵.

Отвечая этой назревшей потребности, мы и составили настоящий сборник для чтения девочками в возрасте от двенадцати до четырнадцати-пятнадцати лет.

II

Всё содержание этой книги распадается на четыре отдела. В первом отделе мы дали ряд статей о жизни маленьких девочек. Во втором – о жизни уже взрослых девиц. В третьем – о жизни женщин-христианок разных возрастов, положений и состояний; особенное внимание обращено на матерей – замечательных воспитательниц своих детей. В четвертом представили образцы святой христианской жизни на примерах, заимствованных из житий святых Восточной и нашей отечественной Церкви. Во всех отделах мы старались в живых биографических очерках, рассказах, стихотворениях, сказках, пословицах и кратких общедоступных размышлениях ознакомить молодых читательниц нашей книги со всеми светлыми и идеальными сторонами женской богато одаренной Творцом природы, как-то: с самоотверженной любовью к родным – отцу, матери, братьям и сестрам; с необычайным терпением – этим драгоценным, ничем не заменимым свойством, которое так необходимо матери семейства,

⁵ Народное образование. 1901. Январь. С. 22–23; Полтавские Епархиальные Ведомости. 1897.

учительнице маленьких детей, сестре милосердия и другим великим труженицам; с твердой и сердечной верой в Бога – Творца, Промыслителя и Спасителя нашего, пламенной любовью к Нему и всем ближним до полной готовности с радостью отдать свою жизнь за них; со спасительной надеждой на жизнь будущего века, на блаженство со Христом и всеми святыми, что одно способно предохранить человека от ропота, малодушия, отчаяния и примирить его со всеми несовершенствами жизни временной и со всеми бедами, скорбями и несчастьями, какие могут выпасть на долю того или другого человека; с необычайным трудолюбием и настойчивостью – этими условиями успеха, который недостижим, где нет этих условий; с удивительным мужеством, терпением и неустрашимостью, что особенно поразительно в слабых девушках, часто своим героизмом спасавших многих людей, несмотря на явную для себя опасность; с достохвальным стремлением некоторых девушек и женщин, несмотря на все неблагоприятные условия, добиваться возможно высшего для себя образования, чтобы тем с большей пользой служить ближним; с замечательным умением многих девушек и женщин довольствоваться малым – той скромной по внешности, хотя и высокой пред Богом и всеми добрыми людьми жизнью дочери – помощницы матери, отца; супруги и хозяйки дома; с препохвальной у большинства женщин любовью к семье и семейному очагу, где по справедливости жена и хозяйка незаменима и где деятельность ее так же почтенна, как и де-

ательность любого государственного мужа; наконец, с любовью к простой, скромной, чуждой всякого блеска и роскоши жизни и одежде, с любовью, которая в конце концов может расположить взрослых девушек и женщин бросить рабское поклонение пред модой – «этой родной сестрой смерти», по справедливому выражению одного философа, и побудить их вести вообще простой, разумный, гигиенический образ жизни.

Если все эти семена добра, истины и чистой красоты и все религиозно-нравственные истины, как *искра Божия*, раскрытые и рассеянные в разных статьях нашей книги, пали бы на добрую почву восприимчивых сердец юных наших читательниц, то, без сомнения, они принесли бы плод сторицей, и наша жизнь семейная, эта клеточка государственного организма, почти всецело зависящая от матери-христианки, преобразовавшись по духу требований Божественного Учителя, Иисуса Христа, сделалась бы одной из главных и самых могущественных причин улучшения всей нашей личной, общественной и государственной жизни.

Нам могут сказать, что мы уже слишком много надежд возлагаем на книгу, назначенную для школьного и семейного чтения; что семья и жизнь имеют не менее, если не более влияния на образование взглядов, вкусов, настроений и склонностей у подрастающего поколения. Не отрицая всей силы этих последних влияний, мы, однако же, должны сказать, что идеалы, привитые в детстве чрез занимательную

книгу для чтения⁶, и притом те идеалы и взгляды, которые развивает в детях и наша Святая Православная Церковь-воспитательница, всегда имели и будут иметь громадное влияние на юную и восприимчивую душу. Как на пример влияния книги на читателей, даже взрослых, мы укажем на знаменитый роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Прочитанная миллионами читателей в Америке, эта книга произвела такое брожение идей, так настроила сердца и волю слушателей, что вызвала великую войну против рабства негров, которые и получили наконец все свои человеческие права. Этого одного примера достаточно, кажется, для того, чтобы убедиться в той истине, что добрая книга для чтения может много сделать в деле воспитания человека, в деле привития ему известных убеждений и взглядов.

Насколько мы достигли своей цели – судить не нам. Мы добросовестно старались предложить вниманию наших юных читательниц наиболее художественные, а главное – задушевные произведения прозы и поэзии, которые знакомят со всеми периодами человеческой жизни в отношении к женщине.

⁶ Таким характером, думается нам, отличается «Искра Божия», где нет ни одной сухой статьи вроде всем надоевших сухих описаний животных, насекомых и т. п.

III

Что касается приемов, которых мы держались при обработке этой книги, то они были следующие:

1. Прежде всего нашим долгом считаем заявить, что мы отнюдь не смотрим на эту книгу по русскому языку как на энциклопедический сборник разных наук, при помощи коего можно сообщать разнообразные элементарные сведения из Закона Божия, русской истории, географии, зоологии, ботаники, сельского хозяйства и так далее, но только как на а) *могущественное орудие самообразования*, которое дает возможность ученице читать книги, которые могут быть полезны ей; затем уже как на б) вполне целесообразное *орудие воспитания эстетического чувства*, благодаря которому, в случае его развития, ученица может находить чистое и высокое удовольствие в чтении лучших произведений человеческого слова; как на в) *средство развития в детях благородного чувства любознательности*, которое побудит их впоследствии путем чтения восполнить скудный запас знаний, получаемых ими в школе; как на г) *могущественное средство к религиозно-нравственному воспитанию девочек*, которые путем целесообразно подобранных статей, прочитанных в раннем, впечатлительном возрасте, усвоят живым сердцем и свежей памятью важнейшие истины святой христианской веры и истинного благочестия, в особенности в отношении к семье, и

полюбят всем сердцем свою духовную мать – Святую Церковь Православную.

Ввиду этого мы старались выдвинуть на первый план *статьи религиозного характера*, в чистом духе Святой Православной Церкви, преимущественно повествовательного способа изложения, отличающиеся живым, художественным содержанием, при помощи которых дети запечатлеют в своих сердцах важнейшие истины учения христианского. Притом своим долгом считаем присовокупить, что в этот разряд статей мы не вносили статей ни по библейской истории, составляющей отдельный предмет в системе школьного обучения, ни статей, относящихся к славянскому отделу, для которого существуют особые книги для чтения, что упускается из виду почти всеми составителями книг для детского чтения.

2. *Статьи нравоучительного характера*, вошедшие в «Искру Божию», состоят не из сухих изречений о поведении христианина, наводящих скуку на детей и им большей частью недоступных по своей сжатости и отвлеченности, но из живых рассказов лучших писателей, педагогически нами обработанных, из которых то или другое нравственное положение вытекает само собой и крепко запечатлевается в памяти детей, пробуждая в них в то же время должные чувства и настроения.

3. В настоящую книгу мы не внесли ни одной из тех статей, которые обычно помещаются в книгах для чтения, чтобы служить материалом для разного рода грамматических

упражнений. Мы находим, что этим статьям должно быть отведено место в особых учебниках, а не в книге для школьного или семейного чтения, все статьи которой должны производить на детей живое, цельное, непосредственное впечатление своим языком, своей художественной формой и образами, своим построением и теми мыслями и чувствами, которые развиваются в статьях. Дробный анализ и бесконечные вопросы грамматического и в особенности орфографического характера в сильной степени препятствуют цельности впечатления от чтения статей и развитию в детях любви к чтению вообще. Приносить же высокие воспитательные цели, достигаемые книгой для чтения, в жертву орфографии, которая и без того изучается на специальных уроках грамматики, нет достаточных оснований⁷.

4. Выбранные статьи из произведений лучших поэтов, писателей и педагогов как нашего времени, так и прежних подвергались, если того требовали обстоятельства, педагогической обработке, например опущению некоторых мест, замене одних слов и оборотов речи другими, пересказу в некоторых случаях прозаических произведений, снабжению необходимыми объяснительными примечаниями, которые делались или тут же, в тексте, в скобках, или под строкой, если они были несколько сложны.

5. Статьи, которые вошли в эту книгу, *преимущественно повествовательного характера*, как самые удобные для

⁷ См.: Новая школа. М.: Изд. К.П. Победоносцева. С. 97 и сл.

понимания и пересказа. Еще Лессинг⁸ доказал научно, что слово человеческое может производить тогда живое впечатление на слушателей, когда оно изображает последовательные моменты времени, а не силится одновременно описать многие черты предмета в одной картине, что ему никогда не удастся в такой степени, в какой это удастся живописи, располагающей большими средствами одновременно и живо представить описание самого сложного предмета в одной картине. Педагогический опыт постоянно говорит, что помещаемые в книгах для детского чтения так называемые описания разных предметов читаются детьми в большинстве случаев неохотно и без всякого почти интереса.

Что касается сравнений, характеристик, рассуждений и тому подобных словесных форм, требующих для своего усвоения значительного умственного развития, то подобные статьи не имеют места в нашей книге для чтения; только самые краткие и общедоступные образчики статей этого рода, вроде пословиц, кратких извлечений из творений святых отцов Церкви, из дневника известного кронштадтского пастыря о. протоиерея Иоанна Сергиева⁹ и тому подобное нашли небольшое место в нашей книге.

6. Несколько образцовых, высокохудожественных сказок и легенд мы внесли в «Искру Божию» на том основании, что при помощи этих видов поэзии можно содействовать разви-

⁸ В сочинении «Лаокоон, или О границах поэзии и живописи».

⁹ Св. праведного Иоанна Кронштадтского. – *Ред.*

тию воображения. Развитие и надлежащее направление всех способностей человеческого духа, и в том числе силы воображения, суть необходимая задача всякой школы. В частности, воображение имеет великое значение в деле этического воспитания человека, так как новейшая опытная психология¹⁰ доказывает, что недостаток сочувствия или сострадания к людям зависит главным образом от недостатка силы воображения, при помощи которой мы можем со всей живостью поставить себя на место несчастного. Поэтому сказки и легенды, развивающие в надлежащих границах и направлении силу воображения, весьма важны, по нашему убеждению, в системе школьного образования.

7. Все статьи, как прозаические, так и поэтические, которые внесены в состав книги, отличаются по возможности живым, интересным, без всякой сухости и сжатости (свойственной учебникам) изложением, доступным для детского понимания, чистым и правильным современным языком, полезным содержанием, которое, постепенно вводя детей в сокровищницу родного слова и обогащая их запасом слов и оборотов речи, развивая чрез чтение их мышление, должно пробуждать и воспитывать в то же время эстетические, религиозно-нравственные и патриотические чувства и развивать любовь к знанию и просвещению в духе Святой Православной Церкви и требований чистого разума. Особенное стара-

¹⁰ См.: *Гефдинг Г.* Очерки психологии, основанные на опыте / Пер. с нем. СПб, 1898. С. 219 и сл.

ние мы прилагаем к тому, чтобы настоящая книга по прочтении девочками возбудила у них любовь к чтению книг вообще. Поэтому мы избегали всего, что вызывает скуку и нерасположение к чтению.

8. Темные картины порочной и преступной жизни некоторых людей, сцены зверства и жестокости, мрачные краски при описании жизни «на дне» ее, сознательно или бессознательно (под влиянием, например, личного пессимизма) сгущаемые неумеренно некоторыми писателями, плоские шутки и прибаутки и жалкие насмешки над человеческой глупостью или оплошностью, унижающие человеческую личность, и тому подобные отрицательные явления в жизни людей, как вредно действующие на духовную сторону подрастающего поколения путем воздействия на их воображение и сердце, ни в коем случае не имеют места в нашей книге для чтения. Мы смело утверждаем, что всё содержание ее чисто и ни в каком случае не может оскорбить нравственного чувства читательниц. Любая мать, по нашему убеждению, смело может дать эту книгу в руки своей дочери.

Мы твердо убеждены, что в книге для детей всё должно быть чисто, как кристалл, в нравственном отношении.

9. Великие и святые примеры веры и благочестия, патриотизма, мужества, неутомимого труда, беззаветной преданности долгу службы и обязанностям христианского звания – словом, всё истинно великое, святое и прекрасное, ободряющее, радующее, вливающее в сердце любовь христиан-

скую, мужество, трудолюбие, терпение, страх Божий, уважение закона, почитание старших, довольство своим состоянием, покорность воле Божией, всерадостную, всё оживляющую и всех примиряющую и успокаивающую надежду на будущую загробную жизнь и тому подобное, — всё это нашло место в настоящей нашей книге для чтения.

IV

В заключение скажем несколько слов о тех возражениях, которые могут быть нам высказаны по поводу настоящей книги.

Нам могут сказать, что вошедшие в состав «Искры Божией» рассказы и особенно биографические очерки выдающихся на поприще общественной жизни и деятельности девиц и женщин-христианок не все заимствованы нами из русской истории и современной жизни; что многие рассказы о замечательных женщинах, оказавших великие заслуги человечеству, заимствованы из литературы иностранных народов, других, то есть инославных, христианских вероисповеданий. Что можно сказать в ответ на это возражение, которое, мы чувствуем, непременно будет сделано нашими строгими критиками? Прежде всего, мы должны сказать, что если бы русская литература и поэзия были богаты разного рода описаниями жизни и деятельности замечательных женщин, то, без сомнения, нам не было бы большой надобности ис-

кать подобные биографии в литературе иноземных народов. К сожалению – и с этим всякий согласится, – наша литература, считающая свой рост всего лишь десятками лет¹¹, далеко не представляет богатого материала в изображении образцов женских добродетелей в христианском смысле этого слова. Не можем же мы считать за образцы для подрастающего поколения героинь тех романов и повестей наших писателей, которые, кроме забав и развлечений разного рода: балов, танцев, маскарадов, роскошных костюмов, сшитых по последней моде и часто губящих здоровье (вроде пресловутых корсетов), выездов, визитов, платонической и более реальной любви, – ничем не заявили себя по изображению наших поэтов и писателей. Но было бы большим недоразумением думать, что на Руси мало женщин, истинно великих духом, сильных верой, пламенной любовью к Богу и ближним и крепкой надеждой на Бога. Нет, если где она и цветет, то здесь, в Святой Руси, под спасительным руководством Православной Церкви и при суровой трудовой школе жизни, где никогда не переводились великие и сильные женские характеры. Мы только хотим сказать здесь, что едва ли тысячная часть их сделалась достоянием нашей юной литературы. И всё, что мы могли найти в нашей духовной и светской литературе, что шло в качестве образцового чтения для наших

¹¹ Хотя наша периодическая печать насчитывает себе двести лет, но в собственном смысле жизнь русской прессы стала правильно развиваться только с половины прошлого столетия, т. е. со времени Севастопольской войны.

девочек, мы внесли в свою книгу, предварительно подвергнув этот материал необходимой педагогической переработке.

Было бы странно после этого нас упрекать в том, что мы кое-что заимствовали из произведений иностранной литературы, а именно недостающие нам образцы женского глубоко содержательного характера. Ведь это только крайне наивные ценители чужих трудов, забыв учение Христа о любви ко всем и о том, кто наш ближний, готовы думать, что только тот народ, к которому они принадлежат, заслуживает исключительного внимания, уважения и изучения; все прочие народы, хотя бы они были высококультурные христиане, по их понятиям, злейшие враги наши, в которых нет ничего, кроме дикости, грубости, невежества, пороков и преступлений. Дух евангельской правды и кротости отнюдь не позволяет оправдывать такую враждебность и непримиримость. Мы должны ценить всё святое и хорошее и у соседей, даже у врагов. Всё хорошее перенимать, дурного избегать. Кроме того, разнообразие народов, происходящих, по несомненно-му библейскому учению, от одной четы прародителей, с их индивидуальными наклонностями и дарованиями, не свидетельствует ли о том, что те дарования и силы, те свойства и особенности духовной и физической организации человека, которые сообщены Творцом первой чете, могут развиваться во всей полноте и разнообразии не среди одного какого-либо семейства, племени или народа, но среди всех их, в общей их

совокупности: в одном более, в другом менее, более или менее односторонне в каждом, смотря по местным географическим, историческим, политико-экономическим, бытовым и другим условиям? Это философское соображение побуждает педагога желать, чтобы дети видели образцы жизни и добродетелей всех по возможности народов мира, всей семьи детей Божиих.

Кто будет стоять на своем и утверждать, что эскимос, тунгус, якут, кафр, житель острова Фиджи и другие дикие «пасынки природы» должны воспитывать своих детей исключительно на образцах жизни своего, самого якобы идеального на земле племени, – с теми мы больше не будем полемизировать.

Затем, мы ожидаем еще следующего возражения: почему мы дали в своей книге место нескольким сказкам, а не поместили вместо них каких-либо статей, сообщающих то или другое знание? Отвечаем: потому, что задача наша при составлении «Искры Божией» состояла не в том, чтобы обогатить читательниц знаниями из разных областей науки, – для этого должны быть специальные уроки с необходимыми наглядными пособиями и опытами, – а в том, чтобы пробудить у юных читательниц добрые религиозно-нравственные, патриотические, особенно семейные чувства и настроения. Если эти настроения и чувства будут вызываться и развиваться при чтении нашей книги, если увлекательная форма образцовых, высокохудожественных сказок будет поддержи-

вать интерес и любовь к чтению, то цель наша вполне достигнута. Задача этой книги – содействовать не обогащению ума разнообразными познаниями, а воспитанию сердца и воображения при помощи высокохудожественных форм и понятий, чистых, как кристалл, научающих добру и христианской любви, без всякой примеси тех элементов, которые могли бы наложить малейшее пятно на восприимчивое сердце, светлое воображение и впечатлительную память юных читательниц-христианок.

Далее, нас могут упрекнуть в том, что мы составили свою книгу не из одних только житий святых¹², а из повествований и статей, заимствованных хотя и из чистых и поучительных источников светского содержания. В оправдание свое мы должны сказать, что мы не имели цели дать курс чтений по Закону Божию и истории христианской Церкви, предлагая ряд статей и стихотворений духовно-поучительного характера. Не входя в область законоучителя, мы, однако ж, в конце концов, хотя и другими средствами, преследуем те же цели, что и он, то есть насаждаем в сердцах детей религиозно-нравственные чувства и стремление к добру, истине и чистой красоте. Если дети по прочтении наших рассказов о выдающихся девицах и женщинах-христианках, обессмертивших себя в памяти потомства делами христианской люб-

¹² Им отведен один, последний отдел – «Из жизни святых дев и жен», хотя во всей книге, там и здесь, встречаются многочисленные примеры благочестивой жизни дев и женщин-христианок.

ви к ближним, придут к выводу, что обязанность быть святыми, жить по Евангелию есть обязанность не одних только святых в собственном смысле этого слова, но и всех вообще христиан, что и живя в миру, можно, хотя и с трудом, спасаться; что отказываться от подвигов добра и христианского мужества под предлогом, что мы не святые, – значит прикрывать только свою лень и малодушие, – если ко всем этим выводам придут дети по прочтении нашей книги, то мы будем в высокой степени вознаграждены за свой труд.

«Воспитывая детей в духе религиозном и патриотическом, – говорит один ученый, – мать выполняет свое назначение и только этим создает себе славу, которую никогда не уничтожит никакая зависть и которая всегда будет иметь значение на суде Божиим и человеческом, на суде совести и потомства. На этом суде нас не спросят, как часто мы выезжали, как хорошо умели одеться и держать себя в обществе, как превосходили одни других на поприще забав, остроумия и искусственных развлечений. Всё это обыкновенно исчезает вместе с тем днем, для которого мы приносили суетные жертвы. Нас будут судить по тем плодам, какие мы завещаем будущему времени в своих детях и питомцах. И если здесь, в этих плодах, будут горечь и гниль, на нашу голову падут виной те блестящие успехи, из-за которых мы готовы забывать главное. *Сын безумен*, – говорит премудрый, – *бесчестье матери*»¹³.

¹³ Труды Киевской духовной академии. 1868. Апрель.

За практический характер сообщаемых в школе сведений, конечно при посредстве и книги для чтения, говорит и следующее суждение одного американского журнала, отвечающего на вопрос: как следует воспитывать девочек?

«Давайте им надлежащее школьное образование. Учите их готовить здоровые, питательные кушанья. Учите шить, гладить, чулки штопать, пуговицы пришивать, себе самим платье делать и белье. Учите их хлебы печь и еще тому, что, благодаря хорошей кухне, меньше на аптеку денег выйдет. Учите их, что рубль имеет 100 коп. и что бережлив только тот, кто расходует меньше, чем сколько получает, и что, наоборот, расходы, которые больше прихода, по необходимости должны привести к разорению и бедности. Учите их, что на наличные деньги сшитое ситцевое платье сидит на теле гораздо красивее в долг сшитого шелкового. Учите их носить прочную и просторную обувь. Учите их самих делать закупки и проверять счета. Учите их самолюбию, самопомощи и трудолюбию. Учите их, что честный ремесленник с засученными рукавами, в переднике и без копейки капитала более значит, чем дюжина богато одетых и искусных воров. Учите их садоводству и отыскиванию радостей в свободной Божией природе. Учите их, если у вас есть деньги, музыке, живописи и другим искусствам, но помните при этом, что это вещи побочные. Учите их, что прогулки пешком несравненно приятнее увеселительных поездок и что цветы полевые, если всмотреться в них, удивительно прекрасны. Учите

их пренебрегать показным и что если говорят вам «да» или «нет», то и думать так должно. Учите их, что счастье не в браке и не во внешней роскоши и от денег мужа оно не зависит, а единственно от начал христианской веры, которым следуем, и от своего характера. Если всё это внушите им, тогда успокойте себя выдачей их, с наступлением времени для того, замуж; а там они уже сами найдут свою дорогу»¹⁴.

Этим мы и закончим свое предисловие.

Кто лучше может сделать дело, пусть делает: это его святой долг. Осуждать же сплеча и подвергать критике, не указывая, как лучше сделать, – антихристианское, бесполезное и прямо вредное дело.

Протоиерей Григорий Дьяченко

25 августа 1902 г. Москва

¹⁴ Пастырский собеседник. 1898. № 45.

Часть первая

Из жизни маленьких девочек

Предание о детстве Богоматери

Из журнала «Воскресное чтение»

Святая Дева Мария, дочь праведных Иоакима и Анны, Пречистая Матерь Господа нашего Иисуса Христа, с трехлетнего возраста после своего введения во храм и до пятнадцати лет жила в обители дев в одной из отдельных келий (то есть комнату), устроенных в самих стенах Иерусалимского храма. В своих ежедневных занятиях Она соблюдала здесь следующий порядок, достойный подражания каждым христианским дитятей.

При восходе солнца Святая Дева оставляла сон и спешила в храм на молитву, в которой и пребывала до третьего часа. Не должны ли вы, дети, вставши от сна, каждое утро освящать себя благоговейной молитвой, посвящать Небесному Отцу первую мысль и первое чувство, благодарить Его за прошедшую ночь и испрашивать помощи на дневные занятия?

После утренней молитвы, которая, как небесная роса, освежает душу, юная Дева возвращалась в Свою келию и

здесь до девятого часа пополудни упражнялась частью в чтении Божественных книг, а частью в рукоделии, приличном Ее полу, как-то: в пряже льна, в шитье одежды и тому подобное.

Памятником Ее искусству в рукоделии, между прочим, остался драгоценный хитон – это узкая, долгая, круглая риза с рукавами и отверстием для головы. Прекрасно, если вы, юные девы, занимаетесь науками, особенно чтением назидательных книг; но, подобно юной Питомице Иерусалимского храма, приучайтесь и к рукоделию, весьма необходимому в жизни. Кроме того что рукоделие приносит удовольствие и существенную пользу, оно рассеивает скуку и охраняет воображение от вредной часто мечтательности.

В девять часов Святая Дева опять становилась на молитву и молилась до тех пор, пока, как говорит предание, не являлся к Ней Ангел, от руки которого Она принимала пищу. По окончании всего, возвратясь в Свое отделение, Она, испросив у Бога мирной и безмятежной ночи, отходила на покой. Видите, дети, что Святая Дева Мария каждое дело сопровождала молитвой: молилась при начале и конце ученья, пред рукоделием и после рукоделия, пред пищею и после пищи, ложась спать и встав от сна. Не должны ли и вы все случаи и обстоятельства ежедневной жизни, умственные занятия и телесные труды начинать и оканчивать приличными церковными молитвами? Не должны ли и вы перед трапезой и после трапезы благодарить Бога, Подателя всех земных

благ, и таким образом употребление пищи, общее человеку с бессловесными, возводить в степень действия разумного и богослужебного? Не должны ли, отходя ко сну, последнюю мысль свою обращать к Тому, Кто сотворил вечер? Никогда дети не бывают более здоровыми, бодрыми и расположенными к полезным занятиям, как тогда, когда освящают покой свой благоговейной молитвой, утренней и вечерней, и на каждое доброе дело испрашивают помощь и покровительство небесное.

Святая Дева Мария, возрастая телом, более и более росла и укреплялась духом; с каждым днем молитва Ее усиливалась, подвижничество возвышалось, богомыслие усугублялось; каждый день при помощи благодати Божией восходила Она от силы в силу, от совершенства к совершенству. Не должны ли вы для приготовления себя к своему временному и вечному назначению располагать свои ежедневные занятия так, чтобы ваша молитва и умственные упражнения возводили вас от совершенства к совершенству; чтобы самый сон, пища, движение, покой и прочее, способствуя возрастанию и укреплению тела, способствовали вместе с тем возрастанию духа, так чтобы ум, сердце и воля среди всех разнородных познаний, чувствований и желаний стремились к первому началу и последнему концу всякого блага и совершенства – Единому, в Троице славимому Богу?

Святая Макрина

Протоиерей Григорий Дьяченко

Преподобная Макрина принадлежала к благочестивому семейству, из которого произошли великие учителя Церкви Василий Великий и Григорий Нисский, жившие в IV веке от Рождества Христова. Родители святой Макрины как люди благочестивые и благоразумные начали воспитывать по-христиански и свою дочь с самого раннего детства. Едва в Макрине пробудилось сознание, как мать уже спешит напитать ее словом Божиим, молитвой, ведя и само обучение ее по священным книгам. А места из них, вполне доступные детскому пониманию, заставляла ее заучивать наизусть, чтобы глубже внедрить в детское сердце спасительные слова вдохновенных писателей, при этом объясняла малютке в задушевных материнских беседах и смысл молитв, каждодневно читаемых. И как обыкновенно юное растение, согреваемое теплом и орошаемое дождями, быстро растет, цветет и благоухает, так и юная Макрина под животворным воздействием слова Божия, теплоты молитвенной и под мудрым попечением любящих родителей развивалась, цвела духовно, с малолетства благоухала истинным благочестием. Она особенно возлюбила храм Божий и церковное богослужение. Старательно заботясь о религиозно-нравственном воспитании дочери и глубоко усвоив тот справедливый взгляд, что всякий

час времени, проведенный в праздности, вреден для души, родители приучили Макрину также и к добрым и полезным житейским трудам, хозяйству и рукоделию. Когда Макрина пришла в возраст и настала пора выдать ее замуж, то и в этом важнейшем событии человеческой жизни родители ее поступили вполне благоразумно и по-христиански: они не искали ей жениха богатого, блестящего своим житейским положением, а доброго и кроткого христианина, и хотя такой жених нашелся, но скоро умер. Господь не судил Макрине вести супружескую жизнь, и все последующие свои годы она провела в строжайшем девстве и духовных подвигах, посвятив все свои силы, все труды на благо родной семьи и всех ближних. Когда же братья и сестры ее возросли и перестали требовать ее забот о себе, тогда она убедила мать удалиться вдвоем в пустынное место, и там-то они провели остаток жизни в непрерывном подвиге молитвы, поста и труда.

В Понтийской области, на берегу реки Ирис, они основали обитель дев, в которой мать ее, Емилия, приняла управление. Ничего не может быть удивительнее жизни этих рабынь Господних. Им неизвестны были ни гнев, ни зависть, ни ненависть, ни подозрение, ни тщеславие. Молитва и пение псалмов составляли их занятие и вместе с тем отдохновение.

Скончалась святая Макрина в 379 году, еще при жизни будучи прославлена от Бога даром чудотворения.

Незабудка (легенда)

Я хочу поговорить с вами о маленьком голубом цветочке с золотистым венчиком, точно сердечком, в середине; цветочек этот называют незабудкой. Когда я была еще маленьким ребенком, то, гуляя с няней в обширном парке, окружавшем наш сельский дом, всегда надолго останавливалась около большой канавы, отделявшей парк от темного бора; по краям этой канавы росло множество самых крупных, самых прелестных незабудок. Я не могла насмотреться на них, не могла нарадоваться; мне казалось, что незабудки смотрят на меня своим лазоревым взором и говорят: «Не позабудь меня!»

– Не говорят ли эти цветы? – спрашивала я иногда свою няню. Няня моя была старушка, малороссиянка, необыкновенно добрая, простая сердцем и глубоко набожная. Она любила слушать Священное Писание и знала много занимательных рассказов религиозного содержания. На повторяемые мои вопросы, не говорят ли эти цветы, раз она ответила мне:

– Да, рассказывают благочестивые люди, что однажды цветы говорили, и лучшее слово сказал твой любимый лазоревый цветок.

– Расскажи, няня, что это за слово – «незабудка»?

– Изволь, друг сердечный, – отвечала няня, горячо любившая меня, – слушай и не шали, пока я буду говорить.

Я смиренно уселась подле няни на мягкой траве около канавы и, не спуская глаз с окружавших нас незабудок, слушала следующий рассказ.

– Когда Господь Бог, – начала, перекрестясь, няня, – сотворив мир, почил от трудов Своих, то позвал к Себе первого человека – Адама и при нем дал имя каждому животному; потом поставил пред Собой рядами все растения, стал посреди них и каждому дереву, цветку, травке, былинке говорил подряд их название и для чего они назначены, до тех пор пока они не запоминали всё. Только один цветочек стоял безмолвно в большом смущении. Подняв на великого Творца свои голубенькие глазки и открыв Ему свое золотое сердечко, он в блаженном восторге все позабыл, кроме Создателя, и не мог ничего запомнить.

Опустив к земле цветы и бутончики, голубой цветочек залился румянцем смущения и умоляющим голосом пролепетал: «Господи! Отец всего создания, прости меня, я не мог оторвать от Тебя взоров моих и позабыл самого себя. Если Тебе будет угодно повторить мое название, я никогда его не забуду». Творец неба и земли, взглянув с любовью на этот цветок, произнес: «Вины нет в том, что ты забыл самого себя, Меня ты только не забудь» – и удалился. Цветок так и остался в блаженном состоянии божественного восторга, сделался любимцем всех и каждого, вот как и тебя, – сказала, обра-

тясь ко мне, няня. – Господь наградил его за любовь к Себе прекрасным именем незабудки. Вложи и ты в свое детское сердце завет Господа, данный незабудке: «Меня ты только не забудь!»

Великодушная дочь (быль)

Из книги «Мир в рассказах»

В одной стране был обычай отрубать руки всякому, кого уличат в краже. Попался раз в этом знатный вельможа, царский любимец. Не мог царь отступить от старинного обычая и велел наказать преступника. Но вот накануне казни является во дворец маленькая девочка, дочь этого вельможи, и просит со слезами допустить ее к царю. Царедворцы исполнили ее просьбу. Девочка упала на колени пред грозным владыкой.

– Великий государь, – сказала она в страхе, – отец мой присужден остаться без рук – так вот, отрубите мои руки.

У царя были свои дети, и ему понравилось, что маленькая девочка так любит отца.

– Пусть будет так, как ты просишь, – сказал царь. – Но ты можешь отказаться от казни, хотя бы в самую последнюю минуту.

На другой день девочку повели на двор казни. Среди двора стояла обрызганная кровью плаха, а возле – палач с мечом. Побледнела девочка, смутилась на минуту... но скоро овладела собой, подошла к плахе и протянула свои ручонки. Палач крепко привязал ее руки к плахе ремнями. Девочка не

проронила ни слова. Палач поднял меч, а она закрыла глаза... Меч сверкнул и опустился, не задев и края пальцев.

– Царь прощает отца твоего за великую твою любовь! – объявил посланный от царя.

Отворились двери тюрьмы: бежит к дочери отец, целует у нее руки, слезами их обливает. На другой день царь объявил народу указ об отмене навеки жестокого старого обычая. А на дворе казни по царскому приказу поставили столб с мраморной доской и на ней золотыми буквами написали, как дочь готова была отдать свою жизнь за жизнь отца; а в конце прибавили такие слова: «Счастливы отцы, у которых такие дети!»

Пословицы о семье

- * Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает.
- * Материнская молитва со дна моря вынимает.
- * Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота.
- * Нет такого дружка, как родная матушка да родимый батюшка.
- * Родительское благословение в воде не тонет и в огне не горит.
- * Братская любовь крепче каменных стен.
- * Вся семья вместе – так и душа на месте.

Внучка

Мать дочку кормила, растила, ночей над ней не досыпала и дочку, как куколку, нарядно одевала, с подругами гулять пускала.

– Повеселись, моя голубка, повеселись, родная: только и погулять тебе, пока молода, а мне, старухе, много ли надо: теплый угол да хлеба кусок, вот и всё.

И выросла дочка на славу: красива, умна и на работу ловка.

Вышла она замуж за богатого, и дом свой вела хорошо, и деток чисто водила. Только старый хлеб-соль она позабыла: забыла она, как мать ее с горем растила, как трудилась для нее, как нужду одиноко терпела. Чем покоить старушку, она ей велит малых деток качать, а ее с собой и за стол не сажает: боится, как бы чего не разбила, как бы на стол не пролила: ведь она плохо уже стала видеть, да и руки и ноги дрожат, а что говорят, недослышит.

И сидит старушка за печкой одна и не смеет к столу подойти. А внучка-малютка в углу на полу огород городит.

– Что это, доченька, делаешь?

– Загородку в углу: когда ты, мама, старушка старая станешь, я тебя туда посажу, там тебе лучше будет; там и кормить тебя буду, а спать уложу на полу возле деток моих. Хорошо?

– Хорошо, мое дитяtko, спасибо!.. Веди-ка бабушку к столу.

Материнская любовь

Из журнала «Кормчий»

Кто вас, детки, крепко любит,

Кто вас нежно так голубит,

Не смыкая ночи глаз,

Всё заботится о вас?

Мама дорогая!

Колыбель кто вам качает,

Кто вас песней забавляет

Или сказку говорит?

Кто игрушки вам дарит?

Мама золотая!

Если, детки, вы ленивы,

Непослушны, шаловливы,

Как бывает иногда,

Кто же слезы льет тогда?

Всё она, родная!

Сиротка Груня

П.А. Мельников-Печерский

В большом городе была ярмарка. Как раз в это время случилась страшная повальная (заразная) болезнь. Много народу перемерло.

И жил в это время в городе небогатый приезжий торговец с женой и дочкой-семилеткой по имени Груня. Отец и мать заболели; больных тотчас же свезли в больницу, чтобы от них другие не заразились, а Груню так и забыли. Осталась Груня одна. Плачет, бедная, отца с матерью зовет. Плакала-плакала, да и задумала искать отца с матерью.

Бродила Груня целый день по улицам, наголодалась, притомилась, голубушка, наконец спросами да расспросами добралась до больницы. В больницу ее не пускают, прочь гонят, а она не уходит, плачет да кричит: «К маме пустите! Христа ради, миленькие, пустите!»

Ехал мимо купец Чапурин. Видит он: убивается девочка, остановился, расспросил. Жалко ему стало девочку, зашел в больницу, расспросил о родителях Груни; а они уже померли. Еще жальче стало купцу, и решил он взять сиротку к себе, заменить ей отца родного. Как порешил – так и сделал. Привез Груню в свою семью и говорит жене и двум дочерям: «Жена, вот тебе третья дочка, а вам, дочки, сестрица».

И стала жить Груня в чужой семье как в своей. Чапурины

держали ее как родную дочь: так же кормили, одевали, так же ласкали, учили, такое же приданое готовили, а дочери их Груню сестрицей звали и крепко полюбили.

И Груня выросла девочка-золото: умная, ласковая, а главное – добрая-предобрая. Помнила она свое сиротство и крепко привязалась к бедным да сиротам. «Хорошо, что Бог мне других отца с матерью послал, – думала она, – не всем сиротам так-то бывает. Как же этим-то жить? Сколько нужды да горя изведуют, бедные!»

Чапурины выдали Груню замуж за хорошего и любимого ею человека, наградили ее наравне со своими дочерями. А Груня до конца жизни своей всё о бедных да сиротах печалилась да заботилась, и много сирот называли ее своей матерью богоданной.

«Ведь это моя маленькая сестренка!»

Из журнала «Задушевное слово»

Кончились уроки; все бегут поиграть, а Митя – домой. Придет – и сейчас к своей маленькой сестренке. Вымоет ей ручки, причешет ее, усадит, занимает, гуляет с ней. Встанет поутру – сейчас к ней: поднимет, умоет, оденет, расскажет ей что-нибудь, накормит и бежит в школу. Кончит заниматься, приготовит уроки – и опять к ней: он ее и уложит, он и убаюкает.

Всё свободное время она с ним. Соседи даже удивляются: что за мальчик – точно нянька: всё с сестрой да с сестрой! Раз приходит он из школы, а она упала, запачкалась, расплакалась. Он утешил ее, умыл, развеселил, успокоил. Девочка часто капризничает, упрямится нарочно, старается рассердить брата, а он всё с ней, всегда ласков, всегда добр.

Платье у него простое и бедное, зато сердце золотое. Все его любят и ценят.

– Митя, да что же ты не пойдешь поиграть с товарищами? Разве тебе не скучно постоянно возиться с этой девочкой? – говорят ему.

Митя радостно улыбнулся и нежно поцеловал ребенка.

– Да ведь это моя маленькая сестренка! – сказал он, прижимая ее к себе и крепко целуя.

Детям

Из журнала «Кормчий»

Сколько в ваших глазках
И тепла, и света!
Сколько в ваших ласках
Чистого привета!..
Дети, вам желаю
Вырасти большими,
Но душой остаться
Навсегда такими.

Чудная травка

Паульсон

Раз по дороге в город шли девушки-служанки – Анна и Марья. Каждая несла на голове корзину с плодами. Анна всё вздыхала да охала, а Марья всё шутила и смеялась. Наконец Анна и говорит Марье: «Как ты можешь смеяться? Неужели тебе легко? А ведь твоя корзина даже тяжелее моей, и силы-то у тебя немного».

«Это верно, – отвечала Марья, – но у меня в корзине находится чудесная травка; если ее положить в корзину, ноши и чувствовать не будешь».

«Какая эта травка? – воскликнула удивленная Анна. – Одолжи мне эту травку».

Марья засмеялась и сказала: «Дать тебе ее я не могу, а если хочешь, то скажу, как она называется; травка эта – терпение».

Жаление

(рассказ старухи)

Из «Сборника» Тихомирова

Было мне годов восемь. Жили мы в Смоленской губернии. Батюшка мой оброк барину платил – крепостным был. Француз в ту пору пришел на Русскую землю. Москва горела, а людей много было побито. Тягота по миру пошла. Нас, ребят несмышленных, всё французом пугали; и представлялся нам француз страшным, черным, а изо рта огонь пышет. Боялись... Совсем глупые были и ничего не знали.

Вот кончилась война, и французов домой погнали; сказывали, что мимо нашей деревни пленных поведут. Любопытно было всем посмотреть на француза. Пришел раз отец в избу и говорит матушке: «Француз недалече». У меня сердце так и упало, а поглядеть хочется.

Побежала я на двор да в подворотню и гляжу; а на дворе-то холодно было, дрожу и жду. Сморяю, идет много народу, и видно, что не наши; тело-то в лоскутья какие-то завернуто, у одних башмаки есть, а другие и совсем босые; в лице-то кровинки нет, худые все, белые-белые. Идут, шатаются да всё стонут: «Глиба, глиба» – хлеба просили. А сзади солдаты с ружьями. Уж так-то мне жалко их стало, так жалко, что и сказать не знаю. Побежала я в избу, схватила ковригу хлеба

да на улицу. Подбежала к переднему, и страх пропал, хлеба даю. А он, как увидел меня, по-своему что-то лепетать стал, по голове погладил и так жалостно глядит и плачет. Угнали их. Думала, что отец бранить меня за хлеб станет; нет, ничего не сказал.

И разумею я теперь, что всякий человек – создание Божеское, всякому тягота несладка: француз ли будет он или татарин, всё равно, ко всякому надо жаление (то есть сострадание) это иметь.

Брат и сестра

К.Д. Ушинский

Серёжа и Аннушка остались дома одни, и брат сказал сестре: «Пойдем поищем, не осталось ли в доме чего-нибудь вкусного, и полакомимся».

«Если б ты меня повел в такое место, где нас никто не увидит, то, пожалуй, я пошла бы с тобой», – отвечала Аннушка. «Пойдем в кладовую: там мы найдем что-нибудь хорошенькое, и никто нас не увидит».

«Нет, Серёжа, там может увидеть нас сосед: он колет на дворе дрова».

«Ну так пойдем в кухню, – уговаривал Серёжа сестру, – там стоит целый горшок меду, и мы намажем себе по большому ломтю хлеба».

«В кухне увидит нас соседка: она, верно, теперь сидит у окна и прядет».

«Ах, какая ж ты трусиха, Анюта, – сказал маленький лакомка, – пойдем, если так, в погреб кушать яблоки; там уж, наверное, нас никто не увидит».

«Ах, милый Серёжа, неужели ты думаешь, что в погребе уже никто нас не увидит? Разве ты не думаешь о Том, Кто видит чрез стены и от Которого и в темноте нельзя скрыться?»

Серёжа испугался. «Правда твоя, сестрица, – сказал он. –

Бог видит нас и там, где человеческий глаз ничего не видит; а потому ни наедине, ни в темноте не должны мы делать ничего такого, чего не смогли бы сделать при других и при свете».

Гуси

(народная сказка)

Жили старичок со старушкой; у них были дочка да сыночек маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке: «Мы пойдем, дочка, в город; принесем тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи». Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крыльях.

Прибежала девочка, глядь – братца нет. Кинулась туда-сюда – нету. Кликала девочка, кликала братца – не откликается. Выбежала в чистое поле: вдаль метнулась гусиная стая и пропала за темным лесом. «Верно, гуси унесли братца», – подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит – стоит печка. «Печка, печка! Скажи, куда гуси полетели?»

«Съешь моего ржаного пирожка, скажу!»

А девочка говорит: «У моего батюшки и пшеничные не едятся!» – и побежала дальше. Бежит она и видит: стоит яблоня. «Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?»

«Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу!» «У моего батюшки и садовые не едятся!» И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу еж. Хотела девочка ежа толкнуть, да побоялась на-

колоться и спрашивает: «Ежик, ежик, куда гуси полетели?» Ежик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит: стоит избушка на курьих ножках; в избушке сидит братец ее на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой; а гуси увидели и полетели за девочкой в погоню.

Бежит девочка с братцем, а гуси совсем их нагоняют. Куда деваться? Подбежала девочка с братцем к молочной речке с кисельными берегами: «Реченька, голубушка, укрой меня!»

«Съешь моего простого киселька с молочком!» Поела девочка киселька с молоком; тогда речка спрятала ее с братцем под крутой бережок, а гуси мимо пролетели.

Выбежала девочка с братцем из-под бережка и побежала дальше, а гуси их увидели и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Подбежала она к яблоне и сказала ей: «Яблонька, голубушка, скрой нас!»

«Съешь моего лесного яблочка – тогда спрячу». Нечего девочке делать – съела она лесного яблочка. Яблоня закрыла девочку с братцем ветвями: гуси пролетели мимо.

Вышла девочка с братцем из-под яблони и пустилась бежать домой; а гуси опять их увидели и ну опять за ними! Со всем налетают, крыльями над головой машут. Еле-еле добежала девочка с братцем до печки и сказала ей: «Печка, матушка, спрячь нас!»

«Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу!» Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла с братцем в

печь: гуси пролетели мимо.

Вылезли девочка и братец из печки и пустились домой во весь дух. Гуси опять их увидали и опять погнались за ними. Вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди братца из рук вырвут; да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка с братцем в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели назад.

Пришли домой старичок и старушка, видят: сынок дома, жив и здоров. Подарили дочке булочку и платочек.

Василиса Премудрая

(народная сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве было у царя три сына – все молодые, холостые, удалыцы такие, какие только в сказках бывают. Младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово:

– Дети мои милые, возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны: на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат – упала она в боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и упала у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягушка-квакушка.

Говорит Иван-царевич:

– Как мне за себя лягушку взять? Лягушка не ровня мне.

– Бери! – отвечает ему царь. – Знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший – на боярышне, средний – на купеческой дочери, а младший, Иван-царевич, – на лягушке-квакушке.

Призывает их царь и приказывает:

– Чтобы жены ваши испекли к завтраму мне по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? – спрашивает его лягушка. – Аль услышал от отца своего слово гневное, неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб.

– Не тужи, царевич! Ложись спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу – обернулась душой-девицей, Василисой Премудрой. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков я ела-кушала у родимого моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич: у квакушки хлеб давно готов – и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские с пригородами и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям:

– Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль

услышал от отца своего слово жестокое, неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер.

— Не тужи, царевич, ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрой. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Буйны ветры! Принесите тот самый ковер, на каком я сиживала у родного моего батюшки.

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич: у квакушки ковер давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер золотом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль услышал от отца своего слово жестокое, неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; а как тебя в людях показать!

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя

лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да на Ивана-царевича смеются:

– Что ж ты, брат, без жены пришел, хоть бы в платочке принес.

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся. Гости сильно испугались, повскакали со своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да остатки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то же самое делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми – кость царю чуть в глаз не попала. Царь рассердился и прогнал их с бесчестьем.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

– Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал! Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей. А теперь – прощай. Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве, три пары железных сапог износи, три железные просвиры изложи.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился на все четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел-шел, и попадаетеся ему навстречу бедный старичок.

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему свое несчастье.

– Эх, Иван-царевич! Зачем ты спалил лягушечью кожу? Не ты ее надел, не тебе и снимать было. На́ вот тебе клубок; куда он покатится, ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старичка и пошел за клубочком.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается – прикатился клубочек к избушке: стоит избушка на курьих ножках, стоит повертывается. Говорит Иван-царевич:

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, ко мне передом.

Избушка сейчас же повернулась к лесу задом, к нему передом. Царевич вошел в избушку, а в ней лежит Баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос. Говорит она сердитым голосом:

– Фу-фу-фу! Доселе русского духу слыхом не слыхивано, видом не видывано, а нынче русский дух воочию появляется.

– Ах ты, старая хрычовка! – говорит Иван-царевич. – Ты бы прежде меня, добра молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и говорила.

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; тогда царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Ох, дитятко! Как ты долго не бывал! Она с первых годов часто тебя поминала, а теперь перестала. Ступай скорее к моей средней сестре, та больше моего знает.

Иван-царевич собрался в путь-дорогу и пошел вслед за клубочком. Шел-шел – и вот опять перед ним избушка на курьих ножках.

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась. Царевич вошел в нее, а там Баба-яга, костяная нога, лежит из угла в угол, длинный нос в потолок врос. Увидала гостя и говорит:

– Фу-фу-фу! Доселе русского духу слыхом не слыхивано, видом не видывано, а нынче русский дух воочию появляется. Что, Иван-царевич, волею пришел или неволею?

Иван-царевич отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею.

– Ищу Василису Премудрую.

– Жаль тебя, Иван-царевич! Долго ты не бывал; Василиса Премудрая тебя совсем позабыла. Ступай скорей к моей старшей сестре – Василиса Премудрая у ней; да смотри – одно не забудь: как войдешь ты в избу, Василиса Премудрая сейчас оборотится веретенцем, а моя сестра станет золотые нитки прясть, на то веретенце наматывать. Смотри же, не плошай. Унеси у нее то веретенце, переломи его надвое, кончик брось позади себя, а корешок наперед – Василиса Премудрая очутится перед тобою.

Пошел Иван-царевич в дорогу. Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, три пары железных сапог изношены, три железные просвиры изглоданы – добрался наконец до избушки на курьих ножках.

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась. Царевич вошел в нее, а там Баба-яга, костяная нога, сидит, золото прядет; напряла веретено, положила его на донце, чтобы кудель (шерсть) перемешать; а Иван-царевич тем часом удосужился, схватил веретено и переломил его надвое: кончик бросил позади себя, а корешок наперед. В ту же минуту явилась перед ним Василиса Премудрая:

– Ах, Иван-царевич! Как ты долго не бывал; я чуть за дру-

гого замуж не вышла.

Тут они взялись за руки, сели на ковер-самолет и полетели в свое государство. Через три дня на четвертый опустился ковер прямо на царский двор. Царь встретил сына и невестку с великой радостью, сделал пир на весь мир. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Дитя Гейне

Дитя! Как цветок, ты прекрасна,
Светла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя – и люблюсь,
И снова душа ожила...
Охотно б к тебе на головку
Я руки свои возложил,
Прося, чтобы Бог тебя вечно
Прекрасной и чистой хранил.

Семьдесят раз семь

По Диккенсу

Маленькая Лиза сидела у окошка и учила свой урок. Солнышко весело светило на нее; она чувствовала себя счастливой, и ей сильно хотелось сделать что-либо угодное Богу, Который сотворил всё так прекрасно. И вот когда она повторяла про себя слова Священного Писания: *«Если брат твой согрешит пред тобою семь раз в один день, и семь раз в один день приступит к тебе и скажет: я раскаиваюсь, – ты должен простить ему»* (Лк. 17:4), – ее серые глаза приняли серьезное и задумчивое выражение, и она сжала губки с очень решительным видом. Через несколько времени она сошла в столовую, где нашла только своего брата Федю. Он был на два года старше ее, но по уму и здравому смыслу не так ее опередил, как вы, может быть, воображаете. Федя находился, по-видимому, в самом дурном расположении духа.

– Экая жалость! В такой день в школе сидеть! Таковы были его первые слова, которые он произнес, а судя по его очень некрасиво надутому лицу, и впредь от него нечего было ждать хорошего. С этими словами он бросил книгу, которая была у него в руках, на другой конец комнаты, где она упала на пол с разорванным переплетом и развалившимися листами.

– Федя! – закричала Лиза. – Не моя ли это «Арифмети-

ка»? Ведь ты знаешь, как я ее берегла?

– И вправду твоя, – отвечал он с искренним огорчением. – Я думал, что это моя. Уверяю тебя, что я не нарочно, Лиза. Прости меня!

– Хорошо, – сказала Лиза, медленно подбирая листы и припоминая слова Священного Писания о прощении обид. – Да, я думаю, что прощу. – И потом прибавила вполголоса: – *Раз!*

После завтрака дети отправились в школу. Вдруг Федя закричал:

– Лиза, какая огромная собака! Глаза – как угли, и язык висит – наверно, бешеная.

Бедная Лиза страшно испугалась и побежала; в страхе она, конечно, не замечала, что было у нее под ногами, и, попав ногой в прегадку яму, упала.

Падение было очень неприятно: она не только ссадила себе кожу на одном локте, но, кроме того, испортила совсем новый башмачок, который еще недавно блестел, как зеркало. На башмаке осталась большая царапина. Лиза залилась слезами, и вовсе не из-за локтя, потому что она умела переносить боль, как какой-нибудь герой, но – бедный новый башмак! Его уже нельзя было поправить.

– О, Федя, как тебе не стыдно говорить такие вещи! Это вовсе не бешеная собака, а просто Катон, который и мухи не обидит.

– Ах, Лиза, почему же я знал, что ты упадешь? Мне толь-

ко хотелось, чтобы ты пробежалась немножко. Я очень жалею, что ты ушиблась, я раскаиваюсь в своей глупости. Не можешь ли ты меня простить?

— Постараюсь, — отвечала Лиза, делая над собой большое усилие, чтобы проглотить обиду, и тихонько проговорила с глубоким вздохом: — *Два!*

В школе Федя вел себя всё время крайне беспорядочно. Во-первых, он взял у сестры порисовать карандаш и потерял его; затем, как раз в ту минуту, когда она встала, чтобы присоединиться к своим классным подругам, шалун протянул ноги как только мог длиннее, и Лиза споткнулась о них и упала при общем смехе, весьма этим сконфуженная. Брат, конечно, принялся уверять, что он «нечаянно» и что, дескать, ему ее «очень жалко». Чем же он виноват, что у него такие громадные ноги? Он так старался упрятать их обе под скамейку; что же ему делать, если они не помещаются? Он так глубоко огорчен этим случаем.

Терпеливая маленькая Лиза должна была простить еще раз.

В течение остального утра она претерпела от Феди еще две-три обиды, о которых было бы слишком долго рассказывать.

Но обратимся прямо к их выходу из школы. Тут Лиза с ужасом увидела, что погода вдруг изменилась и дождь полил как из ведра; но Федя занял у кого-то зонтик, раскрыл его, взял под руку сестренку и храбро пошел вперед.

– Осторожнее! – кричала Лиза. – Ты так раскачиваешь зонтик, что с него каплет мне прямо на голову!

– Надеюсь, что ты не умрешь от нескольких дождевых капель, – возразил Федя.

Дома бедная девочка с горестью увидела, что зонтик полинял и что хорошенькая розовая подкладка ее капора была совершенно испорчена грязными полосами.

– В самом деле, это уж слишком! – сознался Федя при виде ее огорчения. – Честное слово, Лиза, я это не нарочно! Если бы ты знала, до чего мне тебя жаль, ты наверняка бы простила меня.

– Я тебя прощаю, – сказала Лиза с усилием.

Потом она принялась что-то высчитывать по пальцам и произнесла наконец со вздохом: – *Семь!*

– Что ты целый день считаешь? – спросил ее брат с любопытством.

Она ничего не отвечала и весело побежала обедать, повторяя про себя:

– Семь раз! Ах, как это было трудно и как я рада, что больше прощать не нужно: я просто не выдержала бы больше.

После обеда детям нужно было заниматься уроками к следующему дню.

– Ох-ох-ох! – зевнул Федя. – Прежде чем примусь за это тройное правило, которое мне так надоело, заведем-ка один раз ящик с музыкой, который тебе подарил дядя. Пусть он нам сыграет пьесу.

Глазки Лизы заблестели. Она поддалась искушению и убежала из комнаты. Вскоре она возвратилась со своим сокровищем и с величайшей осторожностью завела ящик позолоченным ключиком; но лукавый Федя тихонько от нее вставил щепочку в хрупкий механизм¹⁵, так что чудесный ящик оставался безмолвным, когда девочка приготавилась слушать.

– Что это значит? – вскричала она, побледнев.

– Не беспокойся, – возразил Федя пренебрежительно. – Я необыкновенно искусный волшебник, и если только ты позволишь мне дотронуться до твоего ящика, то всё пойдет отлично.

Лиза дрожащей рукой протянула ему ящик. Мальчик смело засунул туда пальцы, но, должно быть, слишком потропился вытащить щепочку. Хрупкие пружины лопнули, в ящике послышался такой треск, как будто он сейчас разлетится вдребезги, и всё смолкло. Федя, точно в воду опущенный, взирал на бедный ящик.

– Милая Лиза, – сказал он наконец с глубоким огорчением, – ведь он совсем испорчен. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

– Нет! – закричала Лиза, топая ногой. – Я не могу, да, впрочем, и не нужно больше прощать: *это восьмой раз*. Бедный мой милый ящичек! Ты это нарочно сделал, злой мальчишка! Сейчас же побегу в твою комнату, изорву твоего бумажного змея и испорчу всё, что попадется на глаза.

¹⁵ *Механизм* – внутреннее устройство всякой машины.

Терзаемый угрызениями совести, Федя не пробовал даже остановить сестру. Она бегом промчалась через сени, вся в слезах, с пылающими щеками, и как раз наткнулась на дядю.

– Это что такое? – вскричал он.

Но прежде чем он успел выразить свое удивление, Лиза уже рассказывала ему свои горести.

Когда она окончила, дядя спросил ее:

– Итак, Лиза, – ты думаешь, что *теперь* ты имеешь полное право злиться?

– Да, – с жаром объявила маленькая девочка. – Да, я имею на это полное право. Я простила его ровно *семь раз*. Это уж *восьмой*.

– Так ты, значит, не знаешь, что в другой раз Господь сказал апостолу Петру, что надо прощать брату семь раз и еще семьдесят раз семь?

– Семь да еще семьдесят раз семь! Но ты, наверное, не знаешь, дядя, что это трудно – всё прощать и прощать? – сказала Лиза со слезами.

– Ну нет, мне кажется, что я немножко знаю, – сказал дядя с улыбкой и потом проговорил как бы про себя: – Я думаю, что ученики Христовы нашли, что это очень трудно, потому что как только услышали эту заповедь, то все воскликнули в один голос: «Господи! Умножь в нас веру!» Да, маленькая Лиза, – прибавил он вслух, – это ужасно трудно, но мы все должны стараться об этом и не считать, сколько раз мы прощаем людям обиды, так как очевидно, что семьдесят раз

семь – это и значит *всегда* прощать.

– Нет-нет, этого я никак не могу! – сказала девочка рыдая и упрямо отвернулась от бедного Федя, который стоял на пороге.

– Я тебе подарю мою новую книгу с путешествиями, Лиза! Буду копить все свои деньги, пока не куплю тебе новый ящик с музыкой! – воскликнул он со слезами. Но она ничего не слушала.

– Ну хорошо, – сказал дядя, – пусть будет по-твоему. Только советую тебе не читать больше «Отче наш».

– Это отчего? – спросила Лиза с удивлением.

– Да ты только подумай, каково тебе будет сказать Богу: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», то есть прости меня, Господи, как я прощаю Федю.

Лиза покраснела как рак. С минуту она задумалась, потом закричала, что не может обойтись без «Отче наш», устремилась к раскаявшемуся грешнику, который всё еще стоял на пороге, бросилась в его объятия и разразилась горькими слезами.

С тех пор шалун Федя сделался гораздо нежнее и внимательнее к своей маленькой сестренке, а если вы спросите его: «Сколько раз Лиза прощает тебя теперь? По-прежнему семь раз?» – вы увидите, как его славные, честные глаза затуманятся слезами и он ответит вам: «Лиза так добра, что не считает больше, а я не смею считать. Я и без счета уверен, что она прощает меня все семьдесят раз семь».

Смелая крестьянская девочка

Из журнала «Сельское чтение»

В деревню Коняево Дмитровского уезда Московской губернии ворвался волк, но случившиеся на улице крестьяне прогнали его. Зверь кинулся бежать вдоль улицы, где, по несчастью, в то время ходили в овраге четыре крестьянские девочки: Настя – тринадцати, Фёкла – одиннадцати, Степанида – десяти и Даша – семи лет.

Разъяренный зверь бросился на них и сначала схватил самую маленькую, Дашу, но она успела вырваться и убежать в деревню. Тогда волк бросился на Степаниду, перекинул ее себе на спину и скрылся в кустах.

Из двух оставшихся на месте девочек одна Фёкла не потерялась. Старшую, Настю, она послала в деревню людей звать на помощь, а сама схватила палку и побежала за волком. Волк же был недалеко: остановясь за ближними кустами, он кусал несчастную Степаниду, а она, бедная, громко кричала и стонала. Фёкла не только не робела, но еще с большей смелостью подбежала к волку, крича и махая палкой. Зверь не выпускал добычи из своих челюстей. Фёкла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, так что наконец стала у волка перед глазами, всё махая палкой. Тогда волк озлился, бросил искусанную девочку, поднялся на ноги и оскалил зубы на ее защитницу. Фёкла и тут не испугалась: она заслони-

ла собой израненную подругу и, продолжая махать палкой, успела дать время Степаниде вползти кое-как на берег оврага; но тут оставили ее силы, и она упала на землю в изнеможении; здесь нашла ее Настасья, возвращавшаяся из деревни, и понесла домой.

Между тем Фёкла, видя, что подруга спасена, стала отступать и сама, отмахиваясь палкой от зверя, который, в свою очередь, свирепея всё более и более, не отставал от девочки. Но, к счастью, уже бежали из деревни на помощь взрослые люди, и волк, испугавшись крика, повернулся и пустился бежать в лес.

Так с Божией помощью одиннадцатилетняя Фёкла отбила у свирепого зверя свою подругу, а ее спас Господь за такое доброе дело. Спасенную Степаниду принесли в деревню без чувств. Но раны были несмертельны, ее стали лечить, и она выздоровела.

Когда начальство донесло Государю Императору о таком похвальном деле, то Его Императорское Величество приказали наградить одиннадцатилетнюю Фёклу серебряной медалью для ношения на груди, с надписью: «За спасение погибавших».

Геройский подвиг четырнадцатилетней девочки Из газеты «Сельский вестник»

Осенью 1887 года в Петербурге, на Выборгской стороне, по Воскресенской улице, шестилетний мальчик Митя, играя, забросил палку в колодец, имевший пять аршин глубины, как это было потом вымерено. Желая достать палку, мальчик и сам упал в колодец и пошел ко дну. Собралось несколько человек народу, и в числе прочих девочка четырнадцати лет. Она быстро сбросила с себя платье и в одной рубашке нырнула в колодец; но эта попытка оказалась безуспешной: девочка вынырнула, едва не задохнувшись; однако еще раза три нырнула в этот колодец, несмотря на то что он был наполнен грязной, зловонной жидкостью, служившей для поливки огорода. Наконец самоотверженной девочке удалось вытащить мальчика, который общими усилиями собравшегося народа был приведен в чувство.

О таком подвиге самоотвержения было представлено Его Императорскому Величеству, и Государь Император в 20-й день сентября 1887 года Всемилоостивейше повелеть соизволил: шлиссельбургской мещанке, четырнадцатилетней девочке Аниусе Никифоровой, за совершенный ею подвиг самоотвержения, кроме награждения ее серебряной медалью

с надписью «За спасение погибавших» и выдачи ей 25 рублей единовременного пособия, производить впредь, до выхода ее в замужество, ежемесячное из сумм Его Величества денежное пособие по 5 рублей и затем при выходе в замужество отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

Пословицы об отношении к ближним

- * Кто добро творит, того Бог благословит.
- * Кто сирых питает, того Бог не забывает.
- * Подай в окно, Бог в подворотню подаст.
- * Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.
- * Не рой другому ямы: сам в нее попадешь.
- * В лихости и зависти ни проку нет, ни радости.
- * Бог видит, кто кого обидит.

Настя, дочь кондуктора

Г-жа Белявская

Настя была дочерью кондуктора конно-железной дороги. Матери у нее давно не было. Каждый день до школы Настя носила отцу на место стоянки вагонов горячий кофе и завтрак.

Однажды перед Рождеством, когда уроков в школе не было, Настя принесла отцу обед – горшочек щей и стопку горячих блинов. Наскоро покусав щей, кондуктор принялся было за блины, как раздался звонок подъехавшего вагона – есть было некогда. «Неси, Настя, блины домой; уж дома поем!» – сказал кондуктор и стал подниматься на империал (места наверху вагона). Настя прыгнула в вагон. «После съест», – думала она, стараясь выдвинуть ящик из-под скамейки. Ящик, как назло, не поддавался. «Положу на скамейку. Ничего. Бумага толстая; сейчас папа сойдет, увидит, спрячет и съест на остановке». Раздумывать было некогда: в эту минуту конка тронулась. Настя, положив сверток на скамейку, выскочила на ходу и побежала домой переодеваться, чтобы идти к учительнице украшать елку.

Весело возвращалась Настя из школы, быстро вбежала на лестницу и невольно остановилась у двери, заслышав голоса: «Вот, – рассказывала хозяйка, – доехала барыня до места, встала и пошла к двери, а тут женщина какая-то как ахнет:

“Тальмочку-то¹⁶, барыня, запачкали!” А тальма-то светлая, новенькая. Как думаешь? Публика тоже вступилась. Что же, говорят, за порядки! За контролером послали. Тот сердится, да и Архипыч-то не смолчал, ну и пошло, пошло!..» – «И что же?» – послышался голос соседки. Настя замерла от страха. «От места отказали голубчику». Руки и ноги похолодели у Насти, и она схватилась за ручку двери. Хозяйка выглянула. «Настенька, горе-то у нас какое», – начала она и не договорила, взглянув на помертвевшее лицо бедной девочки.

Рождественский сочельник. Воеет, гудит непогода, сыплет в лица прохожих мелкой морозной пылью. Но на улице, несмотря на ненастье, шум и движение. Маленькая девочка пробирается сквозь толпу. Лицо ее бледно и озабоченно. Быстро проходит она улицу за улицей и останавливается наконец перед большим домом с широким подъездом.

– Здесь живет начальник конно-железной дороги? – робко спрашивает она у швейцара.

– Здесь. Иди по черной лестнице во второй этаж, направо.

Правая дверь второго этажа была открыта. Настя проскользнула в нее и остановилась на пороге кухни. Кухарка в белом переднике стояла у плиты, мешая что-то в большой кастрюле.

– Анна Алексеевна, что же так долго? – раздался вдруг звонкий детский голосок, и в дверях кухни показалась девочка лет восьми, одетая в белое платье с лиловым поясом. –

¹⁶ *Тальма* – женская накидка, плащ без рукавов.

Что же так долго? Ах, что за девочка?

И прежде чем кухарка успела повернуться в Настину сторону, девочка очутилась около двери.

– Ты, верно, к папе из приюта?

– Нет, – отвечала Настя, – мне нужно того господина, который главный в конно-железных.

– Так это мой папа. Пойдем, папа дома, – и, взяв Настю за руку, она повлекла ее за собой.

– Барышня, барышня, Женечка, пусть девочка здесь подождет.

Но Женечка не слушала и вела Настю по длинному коридору. Она остановилась у двери, отворила ее и, оставив Настю в большой, богато убранной комнате, убежала. Прошло несколько минут тягостного ожидания. Вдруг в комнату вошла Женя, а с ней высокий господин средних лет.

– Вот девочка, – сказала Женя, взяла Настю за руку и подвела к отцу. Настя собрала всё свое мужество.

– Господин начальник, – сказала она робко, – папа мой не виноват, это я положила блины на скамейку.

– Какие блины, девочка?

Тут Настя не выдержала и зарыдала, закрыв лицо руками и вздрагивая всем телом. Господин растерялся, не понимая, чего хочет от него эта маленькая девочка. Он опустил на стул, привлек Настю к себе и стал тихонько гладить ее вздрагивающие плечики.

– Перестань, девочка, расскажи нам, кто твой отец и какая

беда с ним случилась?

Слова эти были сказаны так нежно и ласково, что Настя скоро успокоилась и начала свой рассказ обстоятельно и подробно. Она назвала линию, по которой ездил ее отец, его номер, имя и фамилию; рассказала, как отец говорил ей: «Настя, Настя, неси блины домой», как дама испортила тальму и контролер пригрозил ее отцу отставкой от должности.

– Господин начальник! Накажите меня, я очень виновата, а папа мой ничего не сделал, – закончила Настя, виновато опустив голову.

Высокий господин молчал. Молчала и Женя, прижавшись к отцу. Няня, вошедшая в гостиную, тихонько утирала слезы.

– Женя, – вдруг сказал господин, – если бы с твоим папой случилось большое несчастье, пошла ли бы ты защищать его, согласилась бы быть наказанной вместо него? А, дочка моя?

– Да, – твердо и серьезно отвечала девочка. Лицо его просияло. Он привлек дочь к себе и сказал ей что-то на ухо.

– Настя, – сказала Женя, – мой папа говорит, чтобы ты больше не плакала. Мой папа не позволит обижать твоего.

Настя со страхом и надеждой подняла глаза на высокого господина. «Да», – прочла она в его ласковой улыбке.

И вдруг все повеселели и заговорили. В комнате точно светлее стало. Так, по крайней мере, казалось Насте, с души которой свалилось тяжелое бремя.

Метель давно улеглась. Ясное небо сияло яркими звезда-

ми. По городу неся торжественный звон, возвещавший радость христианскому миру.

«Спаси, Господи, доброго господина и маленькую барышню», – шептала Настя, выйдя на улицу.

«Спаси их, Господи!» – повторяла она, крестясь на церковь, сиявшую огнями.

Много, много раз в этот вечер и долго после того повторялись слова эти в семье кондуктора, куда снова вернулись спокойствие и довольство.

Как девочка-татарка Дина спасла русского офицера По Л.Н. Толстому

Русский офицер Жилин попался в плен к татарам. Татары Жилину набили на ноги колодки и отвели в свою деревню — там была яма аршин пяти — и спустили его в эту яму.

Житье стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали ему туда тесто непеченое, как собаке, да в кувшине воду спускали. Духота в яме, мокрота. Жилин приуныл, видит — дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил его убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему стало. Вдруг прямо ему на колени лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина, девочка-татарка. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин: затопали лошади, приехали какие-то люди и собрались татары,

спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос одного злого старика. Хорошенько он не разобрал, а догадался, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул (селение) не зашли, и не знают, что с пленным делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышно, зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монеты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырые лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? Я тебе игрушек наделал. На́ вот. Стал он швырять по одной.

А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! Тебя убить хотят.

Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко. Жилин и говорит: – А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что нельзя. Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста, Динушка, принеси.

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?» Всё поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не восходил. Затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится дев-

ка!»

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил ручкой, спустил: шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звезды высоко на небе блещут; и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

– Иван, Иван! – а сама руками у лица всё машет, что тише, мол!

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Ухватился он за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался – колодка мешала. Выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручу, взял камень острый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий – никак не собьет, да и неловко. Слышит – бежит кто-то с горы, легко подпрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Она взяла камень и говорит:

– Дай я.

Села на коленки, начала выворачивать. Да ручонки тон-

кие, как прутики, ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин – видит, налево за горой зарево красное загорелось: месяц встает. Ну, думает, до месяца надо лошину пройти, до лесу добраться. Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина: шарит по нему руками, ищет, куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – и погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка, прыгает. Только в темноте слышно – мониста (украшения из жемчуга) в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, и пошел по дороге.

Пословицы о том, как жить

* Нет друга – так ищи, а есть – так береги.

* Новых друзей наживай, а старых не теряй.

* Для друга и семь верст не околица.

* Дорога́ помощь во время скудости.

* Про доброе дело говори смело.

* Добро не умрет, а зло пропадет.

* Не так живи, чтобы кто кого сможет, тот того и гложет,

а так живи, чтобы людям, как себе.

* Глупые друг друга губят да потопляют, а умные друг дружку любят да подсобляют.

Черкесская песня

Из повести А.С. Пушкина

«Кавказский пленник»

1

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы¹⁷;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певичы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

¹⁷ *Станица* – казачье селение.

Христианочка

Из книги И.И. Горбунова-Посадова «Золотые колосья»

То, что я расскажу вам, случилось несколько лет тому назад в селе Любань Новгородской губернии. Девятнадцатого июня около двух часов дня на двор одной из дач, стоявших близко к речному берегу, вбежали две девочки, полураздетые, дрожавшие всем телом; с распущенных и спускавшихся волос их текла вода. Когда к неизвестным девочкам со всех углов дачи сбегались люди, испуганные их видом и мертвенной бледностью их лиц, то девочки, трясаясь и стуча зубами, едва могли пролепетать, что они купались в реке, что их сестра и горничная потонули и что они прибежали сюда, чтобы скорее просить всех спасти утонувших, потому что до их дачи еще далеко.

Услыхав это, все люди с этой дачи бросились к реке, взяв с собой одну из девочек, чтобы она показала им место, где утонула их сестра; а другая девочка побежала без памяти дальше, к своей даче, чтобы позвать родителей.

К людям, бежавшим к реке, присоединился еще по пути народ, и у реки собралась целая толпа. Сейчас же нашлись хорошие пловцы, которые стали нырять в омут и вытащили оттуда утонувшую девочку. Она уже не дышала.

Когда девочку вынесли из воды, то несколько человек схватили ее и начали немедленно качать; но другие, более благоразумные люди остановили это, потому что таким качаньем не вызовешь жизни. Положив утопленницу на землю, они послали в деревню за фельдшером. Прибежавший фельдшер стал растирать похолодевшее тело девочки, стараясь произвести искусственное дыхание, но жизнь не возвращалась в окоченевшее тело.

В это время пришла мать девочек, не помня себя от ужаса и горя. Узнав, что ничто не помогает, она умоляла все ж таки сделать еще что-нибудь для оживления дочери. Ей отвечали, что ничего больше нельзя уже сделать; тогда она припала к навсегда замершему телу и горячими слезами обливала посиневшее личико.

Потом мертвую девочку положили на телегу, и мать повезла ее домой.

Горничную же всё не могли сыскать. Она нашлась только много времени спустя, когда на реку выехали в лодке и стали баграми ощупывать дно в разных местах омута. Вытащив давно уже безжизненную девушку из воды, ее положили также на телегу, прикрыли рогожей и увезли домой.

Когда сестры утопленницы пришли в себя и немного успокоились, они рассказали, как случилось это несчастье.

День этот был особенно знойный и душный.

Идя к реке, все они истомились от жары, и когда пришли на берег, то горничная в одно мгновение разделась и, не до-

жидаясь, пока разденутся дети, бросилась, не разбирая, в самый омут.

Случились ли тут с горничной судороги или другое что, только она стала тонуть. Увидав это, старшая сестра Вера, не раздумывая ни минуты, бросилась как была, не скинув даже платья, в реку, к утопающей. Но Вера почти не умела плавать, не осилила стремительности омута и сама начала тонуть.

Тогда вторая сестра пошла также в воду, дошла до обрыва и подала руку сестре, бросившейся в омут. Утопающая схватила сестру за руку, но тотчас же отбросила ее руку от себя.

В это время вода дошла второй сестре до рта; ей сделалось страшно, и она выбежала из воды.

Пока вторая сестра была в воде, даже младшенькая, девятилетняя девочка пошла в воду за ней, но, видя, что сестра возвращается, вернулась и сама на берег. И тогда-то обе сестры бросились бежать к жилью и звать на помощь.

Из рассказа обеих девочек видно было, что сестра их утонула, спасая погибавшего человека, и что она ни минуты не раздумывала, а прямо кинулась в воду, так что, видимо, она ничего не думала о своей жизни, а вся была в это время проникнута только жалостью к чужому несчастью.

Вот что мы узнали про эту девочку: девочка эта была очень верующая и очень хорошая. С самых ранних лет она тянулась ко всему хорошему и светлому, как молодая травка из всех сил тянется к солнечному свету, вбирает его в себя

и от этого становится всё зеленее и выше. Это был всегда радостный и ласковый ребенок, и каждому бывало с ним весело и хорошо — столько искренней любви светилось в больших синих глазах девочки, столько любви было в ее обращении со всеми.

Такой она и росла. Многие люди бывают маленькими детьми добрыми и кроткими, но, подрастая, начинают черстветь и грубеть, в Вере же любовь делалась с годами только глубже и сильнее. Вместе с тем она становилась очень умна; она много читала и передумывала.

Она слушала, как при ней читали иногда что-нибудь из Евангелия, и ей казалось тогда, точно из этой книги говорит с ней кто-то такой родной, дружный с ней, и говорит всё так прекрасно, что у нее слезы наворачивались на глаза и маленькое сердце ее согревалось невыразимым теплом.

И Вере казалось, что это самая нужная для нее книга, что она должна читать ее сама и перечитывать, и она просила мать, чтобы та подарила ей Евангелие. Вере было тогда только одиннадцать лет, и мать долго не соглашалась исполнить ее просьбу, говоря, что ей рано читать такую книгу, что она не поймет ее своим ребяческим умом. Но девочка просила неотступно, и мать наконец подарила ей Евангелие. Жадно, с блаженной радостью прочитав и перечитывая Евангелие, девочка не расставалась с этой книгой. Она знала все четыре Евангелия наизусть; но не это было удивительно: наизусть выучить Евангелие может всякий; удивительно было, как хо-

рошо понимала она то, чему учило Евангелие.

Прежде всего она поняла из Евангелия, что нельзя жить для себя только, а надо жить для всех, всех надо любить, со всеми всегда надо быть кроткой и ласковой, всем быть слугой, а больше всего надобно сочувствовать и помогать тем, кого некому пожалеть, — всем людям нуждающимся, голодным и холодным.

Также рано поняла она, что надобно быть всегда правдивой, что надо везде и всегда искать одну правду и говорить всегда правду и не бояться ничего, если тебя обидят, заругают или чем-нибудь накажут за эту правду. И что всегда-всегда надо быть чистой сердцем, как деточки маленькие, в которых ни крошки нет ничего злого; и как от деточек всем вокруг веселее становится, так и самой надо стараться быть такой, чтобы всех вокруг себя радовать и утешать, как солнце на небе всех радует: и добрых, и злых, никого не разбирает, всем светит и всех греет.

Всё это она поняла из Евангелия прежде всего, а потом, с годами, открылось ей еще многое другое. И этот ребенок хорошо понял, для чего нужно жить, во что надо верить и что надо любить всей душой: жить нужно для правды; верить надо в Бога, а Бог есть любовь, как говорится в Евангелии; любить же всей душой надо всех людей, как милых и дорогих братьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.